

Научная статья

УДК 811.16

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.06

**ЭВОЛЮЦИЯ РУССКО-БОЛГАРСКИХ
РАЗГОВОРНИКОВ XIX в.****Шаповал Виктор Васильевич**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россияshapovalvv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7615-4389>

Аннотация. Русско-болгарский разговорник Савы Филаретова хорошо изучен и высоко оценен, поэтому возможно его рассмотрение в ряду разговорников 1854 г. и с учетом эволюции изданий, обеспечивавших коммуникацию русских воинов во время Русско-турецких войн. Такой подход позволяет уточнить хронологию создания пособия, его функционирование, причины и цели внесения текстуальных отличий от других «синоптических» изданий, место каждого из этих изданий в планировании образа будущего, желательного и возможного с точки зрения русской стороны.

Ключевые слова: военный разговорник, Сава Филаретов, 1854 г., Крымская война, текстология, Осип Сенковский.

Для цитирования: Шаповал, В. В. (2022). Эволюция русско-болгарских разговорников XIX в. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование*, 4(48), 73–87. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.06

Original article

UDC 811.16

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.06

**EVOLUTION OF XIX CENTURY
RUSSIAN-BULGARIAN PHRASEBOOKS****Viktor V. Shapoval**Moscow City University,
Moscow, Russiashapovalvv@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7615-4389>

Abstract. The Russian-Bulgarian phrasebook by Sava Filaretov proves well studied and is highly appreciated. Therefore, it is possible to understand its place among the other 1854 military phrasebooks. It helps to show how those books changed in order to facilitate communication of Russian soldiers with the local population during the Russian-Turkish wars. This approach aimed to clarify when every specific phrasebook was compiled,

how it was used, and why it differed from other «synoptic» books. Every phrasebook, including the Russian-Bulgarian one, served as a sample image of the future, which would be desirable and possible from the Russians' viewpoint.

Keywords: military phrasebook, Sava Filaretov, 1854, Crimean war, textual criticism, Osip Senkovsky.

For citation: Shapoval, V. V. (2022). Evolution of XIX century Russian-Bulgarian phrasebooks. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(48), 73–87. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.06

Введение

Первые разговорники для военных — уникальный лексикографический проект, тесно связанный с рядом Русско-турецких войн XIX в. Очевидный парадокс состоит в следующем: хотя многие известные отечественные и сочувствующие интеллектуалы того времени и были вовлечены в создание этих карманных книжек, но детальная история их возникновения, и в особенности использования, осталась вне рамок внимания исследователей. Между тем очевидно, что по сложности пионерского замысла и по научному уровню реализации эти лексикографические памятники заметно опережают свое время — Николаевскую эпоху.

Общая характеристика источников

Кратко перечислим известные нам разговорники из карманных книжек для русских воинов: русско-турецкий прототип О. И. Сенковского 1828 г. порождает ряд переводов 1854 г.: румынский, болгарский, греческий; в 1876 г. появляются болгарская и турецкая версии, условно говоря, третьего поколения, а также близкие по назначению многоязычные издания 1877 г. Дальнейшие переработки в русле этой традиции пришлись уже на XX в.

Методология исследования

Методы исторической лексикографии, если речь идет не о древности, а о не столь отдаленном времени, как, например, XIX в., охватывают весь комплекс приемов словарной критики. В практическом плане текстология подобных словарных изданий по необходимости включает в себя анализ структуры всего пособия в целом, принципы отбора готовых фраз, оценки фонетической, грамматической, лексической и синтаксической информации. Редкие рекомендации и стилистические пометы также заслуживают анализа. Наряду с оценкой качеств самого издания важно реконструировать и историю его применения,

поскольку памятник прикладной лексикографии всегда создается с достаточно узкой прагматической целью.

Результаты и дискуссия

Очевидно, что перед нами отчетливая линия преемственности изданий, пусть и относящихся к не вполне почитаемому жанру практической, прикладной лексикографии. Мы попытаемся показать, почему труд Савы Филаретова (Филаретов, 1854), оказавшийся в этом ряду, заслуживает особого внимания как уникальный памятник лексикографии. Как лингвистический проект вся рассматриваемая серия разговорников чрезвычайно интересна. Их несомненная информационная ценность, в частности, объясняется тем, что в них был отражен образ несостоявшегося будущего. Разговорники, адресованные представителям трех по преимуществу православных балканских народов, воссоздают модель коммуникации освободителей и освобождаемых.

Трудно сказать, что было главной причиной следования прототипу Сенковского (Сенковский, 1828) при создании трех разговорников в 1854 г. Имеется в виду: переиздание русско-турецкого разговорника (Сенковский, 1854), а также русско-румынский перевод (в самой книге язык обозначен как «ромынский», или «валахо-молдавский», с выделением двух наречий — «молдавского» и «валахского») (Гинкулов, 1854), русско-болгарский (Филаретов, 1854) и русско-греческий (Гумалик, 1854) переводы. Первое, что приходит на ум, — отсутствие иных образцов. Кроме того, могло повлиять армейское представление о желательности единообразия. Нельзя сбрасывать со счетов и дефицит времени и специалистов. Во всяком случае все четыре версии оказались «синоптическими» в текстологическом смысле и близки по способам передачи иноязычных текстов средствами русской графики. Переключки с разговорником О. Сенковского 1828 г. можно проследить даже в существенно переработанных четырехязычных разговорниках 1877 г. с включением болгарского материала, например: (Военный..., 1877). Один из них даже был издан частным образом (Разговоры..., 1877). На фоне этого сходства заслуживают внимания различия, возникшие явно не без участия авторов отдельных переводов, знакомых с ситуацией в своих странах. Обозначение «автор перевода» выбрано здесь в связи с тем, что переработка требовала заметных творческих усилий.

Задачи разговорника, составившего содержание первого раздела «Карманной книги для Русскихъ воиновъ, находящихся въ походахъ противъ Турокъ по Болгарскимъ землямъ» и названного «1. Разговоры Русско-Болгарскіе», в кратком предисловии «Замѣчанія къ Русско-Болгарскимъ разговорамъ» (Филаретов, 1854, с. III–IV), эксплицитно никак не изложены. Понятно, что разговорник адресовался русским воинам, в первую очередь офицерам.

Использование книги в качестве вспомогательного средства болгарами для общения с русскими вряд ли могло быть столь же эффективным по причине ориентации на русского адресата и своеобразной транслитерации. Впрочем, в ситуации не слишком устойчивого правописания и данная запись болгарской речи, надо полагать, не слишком выпадала из всего наличного орфографического и типографского разнообразия. Кроме того, Сава Филаретов не только имел многолетний опыт взаимодействия с носителями обоих языков, но и представлял проблемы и возможности коллективного адресата своего труда, что позволило ему решить свою задачу вполне успешно.

Образец для болгарского разговорника 1854 г. заслуживает нескольких слов как весьма оригинальное для своего времени сочинение (Унджиева, 1990, с. 27; Бак и Шаповал, 2020, с. 26). Это русско-турецкий разговорник О. И. Сенковского (1800–1858). Еще в 1828 г., в разгар предшествовавшей Русско-турецкой войны, он вышел в свет в составе вполне традиционного для того времени справочного издания, «Карманной книги для русских воинов в турецких походах» (Сенковский, 1828; Сенковский, 1854). Вторая часть — краткая грамматика турецкого языка (Сенковский, 1829; Сенковский, 1854а). Этот труд вызвал заметный интерес исследователей (Мирчева, 2018, с. 54; Serikoff, 2009, p. 118; Şahin, 2010, p. 604; Duranlı, 2018, p. 77–91). Русские фразы и беседы для перевода на турецкий язык, очевидно, были предложены Сенковскому уже в более или менее готовом виде. Возможно, по его инициативе был добавлен раздел «III. Разговоръ на квартирѣ», не вполне обычный для военных разговорников, но ценный как портрет иноземного быта и самопрезентация. Этот раздел и переводчиков 1854 г. заставил детализировать лексические и фразеологические средства для описания повседневности.

О более точной дате окончания этого разговорника Сенковского узнаем из письма виленского историка Миколая Малиновского (1799–1865) из Петербурга их общему с Сенковским наставнику профессору Виленского университета Иоахиму Лелевелю (1786–1861) от 1/13 августа 1828 г.: «Сенковский уже напечатал 1-ю часть своей подручной книги для солдат российских» (Федута, 2009, с. 75). «За эту книгу Сенковскому был пожалован бриллиантовый перстень» императором (Федута, 2009, с. 75, прим. 266; Serikoff, 2010, p. 118, note 17). Примечательно, что книга была разрешена к печати «По Высочайшему повелѣнію» (Сенковский, 1828, с. II), т. е. обычной цензуры не проходила. 14 (26) апреля 1828 г. Николай I объявил войну Турции. Понятно, что Сенковский не обязательно в три месяца закончил свой труд. И в этот раз вокруг «восточного вопроса» тучи сгущались давно, так что и планы создания разговорника созрели задолго до формального начала войны. Вторая часть труда Сенковского вышла в 1829 г. также с некоторыми признаками поспешности при подготовке издания (Бак, Шаповал, 2020, с. 27).

В 1854 г. русско-турецкий разговорник О. Сенковского был переиздан практически в неизменном виде. Но за четверть века многое изменилось, так что

переиздание порой не отражало новых турецких реалий. Например, в 1828 г. регулярные войска европейского типа Низамь-Джедидь (Сенковский, 1828, с. 34; Сенковский, 1854, с. 59) / *Nizam-cedid*, или *Nizam-ı Cedid* были еще новинкой, потребовавшей дополнительного вопроса. Эта терминология позднее была уже вполне освоена русскими офицерами: «Низамь — регулярное войско, несущее действительную службу. Редифь — запасные. Мустахфызь — ополчение» (Паренсов, 1901–1908, с. 116, прим.). Однако вопрос с перечислением албанских, боснийских и (противопоставленных им) регулярных отрядов нового строя сохранился не только в турецкой версии 1854 г., но и в болгарской и греческой: «Сколько Арнаутовъ, Босняковъ и новаго войска? — Ко̀лко сѧ Арнау̀ти, Бошпа̀ци (Бошна̀ци! — *В. Ш.*) и низа̀ми?» (Филаретов, 1854, с. 37). В греческой версии упоминание *нового войска* заменено по смыслу на «регулярнаго войска» («По̀сусь Арванѝтась, Боснѝякусь, тактику̀сь э̀хунь?» (Гумалик, 1854, с. 38) / *Πόσους Αρβανίτας, Βοσνιάκους, τακτικούς έχουν;*). В румынской версии этот фрагмент расспросов о войске противника был опущен (Гинкулов, 1854, с. 52).

Разумеется, и болгарская версия редактировалась с учетом местных особенностей, поэтому вышла с актуальными дополнениями и изменениями. Представляет некоторую сложность вопрос о последовательности и хронологии подготовки всех весьма точных повторений пионерской работы Сенковского, изданных в 1854 г., в начале Крымской войны. Судя по всему, созданию болгарской и греческой версий мог предшествовать заказ на создание «ромынского» («валахо-молдавского») разговорника, если исходить из самых общих целей, хронологии и географии предстоящей военной кампании: Дунайские княжества — Болгария — Греция. Наиболее детально датируется создание греческого разговорника.

Н. А. Добролюбов (1836–1861), будучи первокурсником Главного педагогического института в Петербурге, писал из Петербурга 8 марта 1854 г. своему бывшему учителю: «Кстати, Гумалику поручено в возможно скорейшем времени составить греческо-русские разговоры для русских войск, и недели через (три) явятся в печати эти разговоры с присовокуплением, кажется, таковых же на валахском и болгарском языках» (Добролюбов, 1964, с. 117). Таким образом, в петербургских ученых кругах создание разговорников активно обсуждалось.

Эта датировка детализируется данными из биографии С. Филаретова, где, в частности, уточняется период подготовки болгарской версии и по его письмам: конец февраля 1854 г. (Унджиева, 1990, с. 26). По инициативе славянофила Степана Петровича Шевырева (1806–1864), как обнаружила Цвета Унджиева, Сава Вълчев Филаретов (1825–1863), тогда студент второго курса Московского императорского университета, был направлен в Петербург, где болгарский деятель Спиридон Николаевич Палаузов (1818–1872) представил его министру народного просвещения Абраму Сергеевичу Норову (1795–1869). Инвалид войны 1812 г., Норов не только координировал работу по созданию

разговорников, но и сам в свои почти 60 лет увлеченно занимался как древнегреческим, так и новогреческим (Антонин, 2014, с. 497; Смирнова, 1929, с. 221, 223). Норов же способствовал и появлению в столичном педагогическом институте ученого грека Дмитрия Христофоровича Гумалика (Добролюбов, 1964, с. 101).

Добролюбов в письме родителям пересказывает аргументацию министра относительно важности изучения разговорного греческого, адресованную студентам (Добролюбов, 1964, с. 10). Директор института Иван Иванович Давыдов (1794–1863), известный филолог (Давыдов, 1853), как видим, также довольно прозрачно намекал студентам на новые карьерные перспективы, связанные с владением новогреческим языком.

Итак, работа Гумалика над греческой версией пришлась на первую половину марта, как и работа С. Филаретова над болгарской рукописью. Последний за две недели завершил работу над текстом и третью неделю посвятил корректуре набора (Унджиева, 1990, с. 27). Это около 170 страниц малого формата, которые потребовали напряженной работы: 57 страниц разговоров, 55 страниц словаря и 45 страниц грамматического очерка. Таким образом, кстати, возникли пионерское описание грамматики (Вълчев, 2005, с. 268–285) и первый русско-болгарский словарь (Делева, 2017, с. 137–146).

Появление четырех разговорников весной 1854 г., разумеется, не было случайным стечением обстоятельств. Это лишь один из многих элементов подготовки и обеспечения военной кампании. Греческий разговорник печатался в типографии Императорской академии наук «по определению Конференции Главного Педагогического Института. Санктпетербургъ, 5 марта 1854 года» (Гумалик, 1854, с. II). Если учесть данные Добролюбова, определение было получено еще до полной готовности рукописи. Румынский и болгарский разговорники печатались там же: «Съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія» (Гинкулов, 1854, с. II; Филаретов, 1854, с. II). Второе издание турецкого разговорника Сенковского — «Въ Типографіи Штаба Отдельнаго корпуса внутренней стражи» (Сенковский, 1854, с. II). Эта синхронность соотносится с тем, что в марте 1854 г. русские войска переправились через Дунай с намерением двинуться через территории с преобладающим болгарским и греческим населением к Константинополю.

Выбор славянского языка для разговорника 1854 г. не был в то время задачей с очевидным решением. В середине XIX в. убеждение в том, что все языки православных славян на Балканах нам близки, было достаточно распространенным в русском обществе. Однако за доброжелательностью, если говорить даже о лицах, принимавших решения, скрывался также и недостаток информированности. На этом фоне стоит коснуться лишь двух аспектов. Во-первых, письменная практика южных славян даже в середине XIX в. все еще оставляла некоторый простор для надежды на лингвистическую интеграцию на основе церковнославянской традиции. (Хотя Вук Караджич провидчески был

в противофазе к этой исчезающей перспективе.) Во-вторых, и сама Болгария далеко не сразу оказалась в центре внимания геополитических проектов России. В. Таки пишет, что «в первые три десятилетия XIX в. сербы практически монополизировали внимание тех образованных россиян, которые интересовались православным славянским населением Османской империи» (Таки, 2017, с. 162). Следствием этого явился очевидный дисбаланс во внешнеполитическом планировании: «Прочие славяне, в особенности болгары, никогда полностью не исчезали с горизонта российской общественности, однако они оставались в тени греков и сербов вплоть до четвертого десятилетия XIX столетия» (Таки, 2017, с. 162). И в дальнейшем широкие интеграционные планы не вполне гармонизировались с реальным положением вещей. Так, книгу Г. С. Раковского (1821–1867) в 1858 г. русская цензура не пропустила по той причине, что в ней «сѣ споманѣвать нѣкой злоупотреѣбленіѣ грѣцкаго свѣщенства» (Раковски, 1860, с. 5, нenum.) — ‘упоминаются некоторые злоупотребления греческого священства’.

Автору болгарского разговорника 1854 г. Саве Филаретову еще только предстояло столкнуться в Софии в 1860 г. с греческим архиереем и оценить по достоинству «безчинствата на грѣцкото духовенство» (Унджиева, 1990, с. 24). Примечательно, что даже М. П. Погодин (1800–1875) не понимал и не вполне принимал стремления болгар к созданию независимой от греков церковной иерархии (Унджиева, 1990, с. 67). Склонность к оперированию обобщенными геополитическими единицами была характерна для всех главных сторон тогдашнего политического диалога: турецкое обозначение подвластных христиан «Рум-миллет (millet-i Rûm)» в каком-то отношении тождественно понятию «Le Monde Gréco-Slave» как западноевропейскому обозначению объекта российских притязаний на заботу и руководство (Robert, 1842, с. 380–430). Сложные внутренние взаимоотношения оставались не вполне доступны стороннему наблюдателю. В итоге болгарская версия возникла как результат стечения ряда частных обстоятельств. Думается, даже и военно-топографические соображения при этом выходили на первый план.

Практическая транскрипция болгарского разговорника 1854 г. нуждается в комментарии. Транскрипция на основе гражданской кириллицы в каждом из четырех разговорников представляла индивидуальную проблему. Не говоря уже о серьезных различиях в фонетике трех индоевропейских языков, принадлежавших к разным группам: славянской, романской и греческой (Дьячок, Шаповал, 2002, с. 15–16); в ней видится два аспекта: в XIX в. теоретическая основа была далека от фонематического представления материала отдельных языков, что сказывалось и в традиционной графической системе, а любое практическое решение наталкивалось на относительно скромный уровень грамотности как возможных пользователей разговорников, так и их иностранных собеседников. Вышеупомянутые «Замѣчанія къ Русско-Болгарскимъ разговорамъ» представляют правила чтения четырех дополнительных транслитерационных знаков: ā, â, я̇, Ъ̇ (Филаретов, 1854, с. III). (По техническим причинам

нам не удастся показать, что крышка циркумфлекса над *я* и тремá над *ѣ* также были расположены точно над знаками.) Само по себе наличие трех вариантов знака *а* уже представляло затруднение для неискушенного пользователя. В позднейших редакциях разговорников принято было читаемый болгарский знак *ъ* заменять *ы*, а нечитаемый концевой *ъ* и вовсе не изображать. Поскольку, по сравнению с современной болгарской орфографией, прежняя была более консервативной, то и ряд фонем обозначался по-разному в разных позициях. С. Филаретов в своем стремлении к точности выбрал не самое простое компромиссное решение: для гласного, обозначенного *ъ*, использован знак *ā*; для того же гласного, обозначенного как *ж*, использован *â*. Вполне естественно, что грамотный человек того времени стремился отразить и написание, а не только звучание. Так, знаки *ā* и *â* сегодня соответствуют в основном знаку *ъ*: «*Азъ сѣмъ на пѣтъ*» ‘Я въ дорогѣ’ (Филаретов, 1854, с. 3), совр. болг. *Аз съм на път*. Объяснения Филаретова все-таки преодолевают полную зависимость от условной орфографической записи: знак *ā* — «нѣчто среднее между *а* и *ы*» и (практически так же далее) «*â* — какъ средн. звукъ между *а* и *ы*». Напр. «*рака* (рука)» (Филаретов, 1854, с. III). Ср., однако, иначе у П. Берона: *пѣтъ* ‘путь’, *сѣмъ* ‘(я) есмь’, *рака* ‘рука’ (Берон, 1847, с. 2, 19, 25). (Оба, как Филаретов, так и Берон, явно исходят не из написания *ръка* в орфографии до 1945 г. или современной *ръка* ‘рука’.) Более архаичное написание: *сѣ* ‘себя’, *сж* ‘суть (3-е лицо мн. числа)’, *пжтъ* ‘путь’ (Раковский, 1860, с. 3, 4) = *ся*, *сѣ*, *пѣтъ* (Филаретов, 1854, с. 4, 5), современное: *се*, *са*, *път*. Ограничимся минимумом примеров, чтобы показать, что решение С. Филаретова не было самым сложным для того времени и рационально компромиссным.

Отличия русско-болгарской версии 1854 г. от русско-турецкого образца чрезвычайно показательны. «Разговоры Россійко-Турецкіе» в первом разделе содержат четыре подраздела (Сенковский, 1854, с. 1–52), которые воспроизведены и в болгарской версии: «I. Въ развѣздѣ, рекогносцировкѣ и фуражировкѣ» (Филаретов, 1854, с. 3–32; Болгарский, 1876, с. 61–91). Этот раздел не потребовал серьезной композиционной переработки как в греческой (Гумалик, 1854, с. 5–33), так и в румынской (Гинкулов, 1854, с. 3–48) версии.

Второй раздел «II. О взятіи языка и распросѣ плѣннаго» (Сенковский, 1854, с. 52–65) был подвергнут содержательному редактированию по понятным причинам. Христианские народы воспринимались как союзники, поэтому взятие в плен грека, болгарина или румына русским отрядом не рассматривалось как типовая ситуация. Однако сама вероятность того, что пленный турецкий военнослужащий окажется христианином, тоже была вполне очевидной. В румынской версии этот раздел был воспроизведен со снятием этой неприятной однозначности: «II. Распросѣ бывшаго въ плѣну» (Гинкулов, 1854, с. 48–55), что понималось скорее как опрос румына, вернувшегося из турецкого плена. При этом система вопросов, касающихся турецких войск, также была отредактирована в направлении отчуждения. Турецкий вопрос был с местоимением

второго лица: «Много ли пушекъ у васъ? — Качъ пара топъ сизде варъ дырь?» / Каѡ para top sizde var dır? (Сенковский, 1854, с. 53). Румынский обошелся без уточняющих местоимений: «Много ли пушекъ? — Мулте тунуръ?» / Multe tunuri? (Гинкулов, 1854, с. 49). Греческий с местоимением третьего лица: «Много ли у нихъ пушекъ? — ‘Эхунъ пола канонья?» / Ἐχουν πολλὰ κανόνια; ‘Они имеют много орудий?’ (Гумалик, 1854, с. 34). Как в греческом, так и в болгарском по изложенным выше соображениям слово *плен* в заголовке раздела также снято: «II. Еще распросы о непріятелѣ» (Филаретов, 1854, с. 32–40; Болгарский, 1876, с. 92–100). Это сделало заголовок более нейтральным. Здесь тоже выбрано местоимение ‘они’: ««Имать ли млого топове?» ‘Именют ли они много пушекъ?’ (Филаретов, 1854, с. 33; Болгарский, 1876, с. 92). Можно сказать, что это решение было оптимальным: нужные вопросы были сохранены, а вероятные коммуникативные издержки нейтрализованы.

Следующий раздел, «III. На квартирѣ» (Филаретов, 1854, с. 40–51), в основном сохранил материал турецкого прототипа. Примечательны колебания всех переводчиков при переводе эталонной фразы: «Я прихожу къ вамъ въ гости, съ добрымъ желаніемъ и миромъ» (Сенковский, 1828, с. 39; 1854, с. 66). Турецкий аналог был более авторитарен: *işte senin evine geldik, sulh ve silahlan geldik* ‘вот мы пришли в твой дом, пришли с миром и с готовностью’ (или ‘во всеоружии’?) (Сенковский, 1854, с. 66). Упоминание себя в качестве (незваного) гостя в подобной ситуации отдает издевкой, очевидно, не только в русском. Слово «гость» мягко корректируется и в других разговорниках 1854 г. «Вот я къ вамъ въ гости пришелъ. На’ сасъ илѡа мусафирисъ» / На сас ἦλθα μουσαφίρης (Гумалик, 1854, с. 42). Здесь *мусафир* (*misafir*) — путник. Это арабизм, усвоенный из турецкого языка. Такой выбор позволяет обозначить некоторую более комфортную дистанцию для хозяев. В румынском «гость» удален даже и из русского эквивалента: «Я прихожу сюда съ добрыми желаніями и съ миромъ. — Еў віу (вин? — В. III.) аичъ ку буне доринць ши ку паче» / eu vin cu bune dorinți și cu pace (Гинкулов, 1854, с. 56). В болгарском также нет слова «гость»: «Богъ да благословить васъ! Я прихожу къ вамъ въ гости съ добрымъ желаніемъ и миромъ». — «Господь да вы благослови. Азь идѣ при васъ съ добро желаніе и миръ» (Филаретов, 1854, с. 40). В общем, можно предположить, что выбор слова «гость» в данном контексте казался не вполне подходящим.

В версиях разговорника для православных народов в этом разделе обнаруживается более дружелюбная тональность разговора. Стоит упомянуть подходы к рассмотрению конфессионального вопроса. Чрезвычайно важный уже в версии 1828 г. (Бак, Шаповал, 2020, с. 30–31), он еще более детально прорабатывается на лексическом и фразеологическом уровне в 1854 г. При этом фрагменты, касающиеся русской веротерпимости, были переориентированы на православие.

В дополнение к турецкому прототипу был разработан четвертый раздел. В греческой версии добавлен был также и раздел «V. Разговоръ съ архіереемъ»

(Гумалик, 1854, с. 61–64). В дополнительных разделах был представлен апофеоз предполагавшегося акта освобождения. Для Валахии и Молдавии, Болгарии и Греции были разработаны соответствующие разделы. В румынской версии это был «IV. Разговоръ съ духовнымъ лицомъ» (Гинкулов, 1854, с. 76–82). Заметно отличались от него как новогреческая, озаглавленная «IV. Разговоръ съ сельскимъ священникомъ» (Гумалик, 1854, с. 50–60), так и болгарская версии: «Разговоръ Русскаго воина съ Болгарскимъ священникомъ» (Филаретов, 1854, с. 52–57). Если Дунайские княжества были в тот момент под контролем русских войск, то Болгария и Греция оставались в более драматичной ситуации. Этот факт было призвано подчеркнуть примечание, практически идентичное в болгарской и новогреческой (Гумалик, 1854, с. 56) книжках. Уже по одной этой причине оно не могло принадлежать авторам соответствующих переводов. Примечание это чрезвычайно характерно для обоснования целей военной кампании, декларировавшихся с российской стороны. Речь идет о защите православия: «*) Всякій, кто только ѣзжалъ по провинціямъ въ Турціи, замѣтитъ, до какой степени вѣрны слова сельскаго священника. Не разъ случалось, что Турецкія войска, пройдя чрезъ какое-нибудь христіанское селеніе, прежде всего нападали на церковь и грабили все, что только казалось имъ цѣннымъ, а иногда разрушали и самое зданіе. Поэтому православные храмы въ селеніяхъ обыкновенно не различаются отъ простыхъ домовъ. Строятся гдѣ-нибудь на концѣ деревни между овинами, а иногда даже внѣ деревни, въ лѣсу» (Филаретов, 1854, с. 53, прим.).

Чей же это голос? Разумеется, это мнение составителя обновленной русской версии для православных народов. Этого текста нет в румынском разговорнике, вероятно, по той причине, что с июня 1853 г. турки уже не были активны на территории княжеств. Следовательно, вполне разумно предположить, что и рукопись румынского перевода корректировалась в связи с политическими изменениями во второй половине 1853 г., издана она была также в самом начале 1854 г. Болгарская и греческая версии также спешно готовились к марту 1854 г., после наметившихся успехов русской армии в Болгарии (Унджиева, 1990, с. 28).

Более года русские войска пребывали в княжествах, в марте 1854 г. форсировали Дунай и довольно успешно действовали на его болгарском берегу, но под угрозой вступления в войну Австрии изменили планы и с 13 июля 1854 г. начали обратное движение за реку Серет и далее за Прут (Зайончковский, 2002, с. 363). Таким образом, уже с июля 1854 г. прямая надобность в этих разговорниках отпала.

Тираж этого издания остается неизвестным. Свидетельств современников об использовании его в войне пока не обнаружено, хотя опубликовано много частных воспоминаний и журналов боевых действий отдельных военных частей. Не вполне документировано сообщение: «Учитывая, что многие волонтеры не понимали русского языка, а русские солдаты — болгарского, в частях

были розданы срочно изданные в С.-Петербурге русско-болгарские словари и разговорники О. Сенковского и С. Филаретова» (Белова, 2007, с. 21). Сенковский был автором русско-турецкого пособия, знал сербский, но о его русско-болгарском словаре свидетельств нет. Ср.: практически то же (Унджиева, 1990, с. 28). По логике вещей, так и должно было быть: разговорники должны были немедленно оказаться на фронте. Но данных о способе доставки тиража из Петербурга и условиях продажи или распределения его у нас нет.

Есть косвенное свидетельство о незначительном эффекте от использования этого и других изданий 1864 г. в сравнении с разговорниками 1876 и последующих лет: «Предназначенные для широкого распространения в российских войсках, находившихся на турецкой территории, эти пособия оказались более полезными, чем аналогичные разговорники периода Крымской войны, почти не нашедшие практического применения» (Алексеев, 2010, с. 220).

Среди последних было и переиздание разговорника С. Филаретова в 1876 г., которое претерпело существенные изменения. Оно было названо «Болгарскій собесѣдникъ». Изменилось композиционное устройство издания. «Разговоры русско-болгарскіе» (Болгарский..., 1876, с. 61–100) были помещены после раздела «Основные правила болгарскаго языка», а завершал книгу «Словарь русско-болгарскій». Разговоры с хозяином квартиры (прежде раздел III) и местным священником (раздел IV) не нашли места в «Болгарском собеседнике» 1876 г. Это позволило сократить разговорник, отдавая предпочтение чисто военной тематике. Думается, главная причина этого сокращения — недостаток времени, как говорится в «Предисловіи»: «[З]а совершеннымъ недостаткомъ времени и спѣшностью предлагаемаго изданія, передѣлка не могла быть исполнена въ требуемомъ объемѣ» (Болгарский..., 1876, с. I–II). Внезапность возникшей задачи пересмотра разговорника 1854 г. несколько удивляет. За восемь месяцев до объявления войны даже и первый план войны против Турции был готов в октябре 1876 г. (Свечин, 1928, с. 361). Переработкой болгарского издания занимался подполковник Ронкевич, или Рынкевич, начальник штаба болгарского ополчения в составе русской армии 1877–1878 гг.; предполагаемый тираж — 1200 экземпляров (Козьменко, 1948, с. 155, 194). В третьем существенно и неспешно переработанном издании русско-турецкого разговорника О. Сенковского, также анонимного и названного «Турецкій собесѣдникъ», был сохранен прежний третий раздел «На квартирѣ» (Турецкий..., 1876, с. 60–76). Кроме того, добавлены краткие, но полезные разделы: «Привѣтственныя слова и выраженія» и «Гнѣвныя слова и выраженія» (Турецкий..., 1876, с. 77–80).

Заключение

Таковы основные вехи истории создания и использования русско-болгарского разговорника Савы Филаретова, рассмотренные в ряду других подобных

изданий в контексте событий и настроений 1854 г. и последующих десятилетий. Как для других, так и для этого издания характерно, что позднее оно используется как основа для разработки переизданий без упоминания авторов первого издания. При этом транскрипция болгарского материала упрощается путем приближения к обычной русской записи (ъ = ы, и пр.), второстепенные разделы исключаются, но все-таки достаточно слабо отражаются новые технические и социальные явления. Примечательно, что к двум карманным «собеседникам», болгарскому и турецкому, в начале кампании 1877–1878 гг. не были добавлены греческая и румынская версии. Дальнейшая эволюция этих изданий была уже связана с XX в.

Список источников

1. Филаретов, С. В. (1864). *Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям*. Тип. Императорской академии наук.
2. Сенковский, О. И. (1828). *Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1*. Тип. Министерства народного просвещения.
3. Сенковский, О. И. (1854). *Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1*. Тип. Отдельного корпуса внутренней стражи.
4. Гинкулов, Я. Д. (1854). *Карманная книжка для русских воинов в походах по княжествам Молдавии и Валахии: в 2 ч. Ч. 1*. Тип. Императорской академии наук.
5. Гумалик, Д. (1864). *Карманная книга для русских воинов в походах по турецко-греческим землям*. Тип. Императорской академии наук.
6. *Военный переводчик с русского языка на турецкий, болгарский и румынский* (1877). Воен.-учеб. ком. Гл. штаба.
7. *Разговоры и словарь на русско-румынско-болгарско-турецком языках* (1877). Изд. и тип. В. А. Кандаурова.
8. Унджиева, Ц. (1990). *Сава Филаретов*. Година.
9. Бак, Х., Шаповал, В. В. (2020). Русско-турецкий разговорник О. И. Сенковского 1828 и 1854 гг. как этнографический и культурологический источник. *Revista de Etnologie și Culturologie*, 27, 26–35.
10. Сенковский, О. И. (1829). *Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 2*. Тип. Министерства народного просвещения.
11. Сенковский, О. И. (1854). *Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 2*. Тип. Отдельного корпуса внутренней стражи.
12. Мирчева, Е. (2018). Българската историческа лексикология — минало и перспективи. Доклады и выступления на заседании Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов. XVI Международный съезд славистов (Сербия, Белград, 23 августа 2018 г.). *ЛЕКСРУС*, 12–61.
13. Serikoff, N. (2009). Thinking in a different language: the Orientalist Senkovskii and Orientalism'. *Acta Orientalia Vilnensia*, 10(1–2), 111–124.
14. Şahin, L. (2010). Russian Turkology: From Past to Present. *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*, 8(15), 591–644.
15. Duranlı, M. (2018). Osip Senkovskiy'in Rus Türkolojinin Gelişimine Katkısı. *Dil ve Edebiyat Dergisi*, 45, 77–91.
16. Федута, А. И. (2009). *Письма прошедшего времени*. Лимариус.

17. Паренсов, П. Д. (1901–1908). *Из прошлого: Воспоминания офицера Ген. штаба. Ч. 1–5*. В. Березовский.
18. Добролюбов, Н. А. (1964). *Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9*. Гослитиздат. Ленинградское отделение.
19. Антонин (Капустин, А. И.). (2014). *Иерусалимские письма архимандрита Антонина (Капустина) к графу Н. П. Игнатьеву, 1865–1893*. Индрик.
20. Смирнова, А. О. (1929). *Записки, дневник, воспоминания, письма*. Федерация.
21. Давыдов, И. И. (1853). *Опыт общесравнительной грамматики русского языка*. 2-е изд. Тип. Императорской академии наук.
22. Вълчев, Б. (2005). Българският език в помощ на руските войски по време на Кримската война. *Език и литература, 1–2*, 268–285.
23. Делева, Н. (2017). Наблюдения върху лексиката в първия руско-български речник на Сава Филаретов. *Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове, 55(1: А). Филология*, 137–146.
24. Таки, В. (2017). *Царь и султан. Османская империя глазами россиян*. НЛЮ.
25. Раковски, Г. С. (1860). *Нъколко рѣчи о Астъню Първому*. Кн.-Сърб. книгопечатница.
26. Robert, C. (1842). *Le Monde gréco-slave. Revue des Deux Mondes, 29*, 380–430.
27. Дьячок, М. Т., Шаповал, В. В. (2002). *Генеалогическая классификация языков: учебное пособие*. Новосибирский институт экономики, психологии и права.
28. Берон, П. (1847). *Буквар болгарский с различни поученията за болгарските училища*. Тип. на Питара Захари Каркалеки.
29. *Болгарский собеседник*. (1876). Воен.-учеб. ком. Гл. штаба.
30. Зайончковский, А. М. (2002). *Восточная война. 1853–1856, 2(2)*. Полигон.
31. Белова, Е. В. (2007). Формирование волонтерских отрядов из жителей Балкан и Придунайских княжеств во время Крымской войны. *Новый исторический вестник, 2(16)*, 19–31.
32. Алексеев, М. Н. (2010). *Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II*. Вече.
33. Свечин, А. А. (1928). *Эволюция военного искусства. Т. II*. Гос. изд-во. Отдел воен. литературы.
34. Козьменко, И. В. (сост.). (1948). Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским (1875–1878). *Славянский сборник*. Издательство АН СССР.
35. *Турецкий собеседник*. (1876). Воен.-учеб. ком. Гл. штаба.

References

1. Filaretov, S. V. (1864). *Pocket book for Russian soldiers on campaigns against the Turks in the Bulgarian lands*. Тип. Imperatorskoj akademii nauk. (In Russ.).
2. Senkovskiy, O. I. (1828). *Pocket book for Russian soldiers in Turkish campaigns. P. I*. Тип. Ministerstva narodnogo prosveshheniya. (In Russ.).
3. Senkovskiy, O. I. (1854). *Pocket book for Russian soldiers in Turkish campaigns. P. I*. Тип. Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi. (In Russ.).
4. Ginkulov, Ya. D. (1854). *Pocket book for Russian soldiers on campaigns in the principalities of Moldavia and Wallachia. P. I*. Тип. Imperatorskoj akademii nauk. (In Russ.).
5. Gumalik, D. Kh. (1864). *Pocket book for Russian soldiers on campaigns in the Turkish-Greek lands*. Тип. Imperatorskoj akademii nauk. (In Russ.).

6. *Military translator from Russian into Turkish, Bulgarian and Romanian* (1877). Voен.-uчеб. kom. Gl. shtaba. (In Russ.).
7. *Conversations and vocabulary in Russian-Romanian-Bulgarian-Turkish* (1877). Izd. i tip. V. A. Kandaurova. (In Russ.).
8. Undzhieva, Ts. (1990). *Sava Filaretov*. Godina. (In Russ.).
9. Bak H., Shapoval V. V. (2020). Russian-Turkish phrasebook by O.I. Senkovsky 1828 and 1854 as an ethnographic and cultural source. *Journal of Ethnology and Culturology*, 27, 26–35. (In Russ.).
10. Senkovskiy, O. I. (1829). *Pocket book for Russian soldiers in Turkish campaigns*. P. 2. Tip. Ministerstva narodnogo prosveshheniya. (In Russ.).
11. Senkovskiy, O. I. (1854). *Pocket book for Russian soldiers in Turkish campaigns*. P. 2. Tip. Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi. (In Russ.).
12. Mircheva, E. (2018). Bulgarian historical lexicology — past and perspectives. *Doklady' i vy'stupleniya na zasedanii Komissii po leksikologii i leksikografii pri Mezhdunarodnom komitete slavistov. XVI Mezhdunarodny'j s'ezd slavistov (Serbiya, Belgrad, 23 avgusta 2018 g.)*. LEKSRUS, 12–61. (In Bulg.).
13. Serikoff, N. (2009). Thinking in a different language: the Orientalist Senkovskii and 'Orientalism'. *Acta Orientalia Vilnensia*, 10(1–2), 111–124.
14. Şahin, L. (2010). Russian Turkology: From Past to Present. *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*, 8 (15), 591–644.
15. Duranlı, M. (2018). Osip Senkovskiy'in Rus Türkojinin Gelişimine Katkısı. *Dil ve Edebiyat Dergisi*, 45, 77–91.
16. Feduta, A. I. (2009). *Letters of the past tense*. Limarius. (In Russ.).
17. Parensov, P. D. (1901–1908). *From the Past: Memoirs of an Officer Gen. headquarters, 1–5*. V. Berezovskij. (In Russ.).
18. Dobrolyubov, N. A. (1964). *Collected works: in 9 vols. V. 9*. Goslitizdat. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.).
19. Antonin (Kapustin, A. I.). (2014). Jerusalem Letters of Archimandrite Antonin (Kapustin) to Count N.P. Ignatiev, 1865–1893. Indrik. (In Russ.).
20. Smirnova, A. O. (1929). *Notes, diary, memories, letters*. Federatsiya. (In Russ.).
21. Davydov, I. I. (1853). *An experience of comparative grammar of the Russian language. Ed. 2nd*. Tip. Imperatorskoj akademii nauk. (In Russ.).
22. Valchev, B. (2005). The Bulgarian language helped the Russian troops during the Crimean War. *Ezik i literatura*, 1–2, 268–285. (In Bulg.).
23. Deleva, N. (2017). Observations on the vocabulary in Sava Filaretov's first Russian-Bulgarian dictionary. *Plovdivski universitet «Paisij Hilendarski». Nauchni trudove*, 55(1: A). *Filologija*, 137–146. (In Bulg.).
24. Taki, V. (2017). *Tzar and sultan. The Ottoman Empire through the eyes of the Russians*. NLO. (In Russ.)
25. Rakovsky, G. S. (1860). *A few words about Asen the First*. Kn.-Sarb. knigo-pechatnitsa. (In Bulg.).
26. Robert, C. (1842). Le Monde gréco-slave. *Revue des Deux Mondes*, 29, 380–430.
27. Dyachok, M. T., Shapoval V. V. (2002). *Genealogical classification of languages: study guide*. Novosibirskij institut e'konomiki, psihologii i prava. (In Russ.).
28. Beron, P. (1847). *Bulgarian primer with various teachings for Bulgarian schools*. Tip. na Pitara Zahari Karkaleki. (In Bulg.).

29. *Bulgarian interlocutor*. (1876). Voen.-ucheb. kom. Gl. shtaba. (In Russ.).
30. Zayonchkovsky, A. M. (2002). *Eastern war. 1853–1856*, 2(2). Poligon. (In Russ.).
31. Belova, E. V. (2007). Formation of volunteer detachments from the inhabitants of the Balkans and the Danubian principalities during the Crimean War. *Novy'j istoricheskij vestnik*, 2(16), 19–31. (In Russ.).
32. Alekseev, M. N. (2010). *Military intelligence in the Russian Empire — from Alexander I to Alexander II*. Veche. (In Russ.).
33. Svechin, A. A. (1928). *The evolution of military art. V. II*. Gos. izd-vo. Otdel voen. literatury'. (In Russ.).
34. Koz'menko, I. V. (comp.). (1948). Correspondence of I. S. Aksakov with the Prince V. A. Cherkassky (1875–1878). *Slavjanskij sbornik*. Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.).
35. *Turkish interlocutor*. (1876). Voen.-ucheb. kom. Gl. shtaba. (In Russ.).

Информация об авторе

Виктор Васильевич Шаповал — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания истории, обществознания и права Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the Author

Viktor V. Shapoval — PhD (Philology), docent, associate professor of the Department of Teaching Methods in History, Social Science and Law, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.